

Матильда

Она неслась тонконогой ланью по неведомым кочкам, взвивалась стрекочущим жаворонком, голодной пантерой гналась за ускользящей добычей, мурлычащей кошкой устало терлась о шершавую ладонь и переворачивалась на спину покорной сукой...

Он рассеянно кивал головой, не слушая ее голоса; пресно чмокал ее в лоб; в обед пропускал стаканчик-другой, а после погружался в кресло с газетой в руках. По ночам он жирным телом раскидывался на ее тонких костях, надсадно пыхтел ей в лицо, в секунды конвульсивного оргазма стискивал до удушения ее детское горло, откатывал огромный живот, со свистом выпускал газы, довольно бормотал:

— Ты была на высоте, дорогая... как всегда, впрочем... — и заходился от храпа...

Жизнь убегала неспешно, но все заметней. Он толстел, страдал от изжоги и жаловался на боли в сердце. Ее шея покрывалась чешуйками морщин, и под линялыми зелеными глазами провисала набрякшая кожа. В его привычке иметь ее под рукой было ее представление о семейной жизни, хотя ни один из них не знал, бывает ли она другой.

Его нарекли невыразительным именем Семен. Ее по простоте парадно назвали Матильдой. И было у них трое детей: его дочь Катя от первого брака и общих два сына. Он с запорошенных времен тоскливо служил главбухом в старой типографии на краю города и старательно брэнчал на гитаре по вечерам; она давала скучные уроки музыки и замечательно вязала на спицах. Дети их обзавелись собственными взрослыми проблемами, не оставляя мечты жить лучше... ну, не сейчас, так когда-нибудь...

Где-то далеко-далеко у нее был полубрат, с которым она из-за пустяковой обиды не поддерживала отношений со времени смерти матери. Брат отказался отдать ей мамино кольцо с зеленым аквамаринном, потому что предназначил его своей жене. Кольцо не имело ценности, но Матильда считала, что должно было оно сидеть на ее руке. У Семена же из родственников осталась сестра-вдова, о которой он вспоминал в день рождения дочери, потому что обе родились в один день. Только раз была Валентина у них проездом, и Семен с Матильдой озабоченно обсуждали, положить ли ее на узком диване в гостиной или поставить раскладушку на кухне. Позже выяснилось, что поезд сестры уходил в полночь, и, слава Богу, решать ничего не надо было.

По вечерам, когда он читал газету и опускал голову под тяжестью нагрянувшего сна, Матильда тревожно смотрела на его прохудившееся темя и с грустью вспоминала, каким он был в дни давнишней любви. Они познакомились через семь месяцев после смерти его первой жены. Тогда он был выше, стройней и добрей... У него был каракулевый "пирожок" на подкладке, который он в шутку натягивал ей на голову, а она наклонялась низко-низко, пока шапка не сваливалась. Они смеялись. Он ловил "пирожок" и бегал за нею вокруг стола, чтобы повторить пустую забаву. Однажды перед Новым годом от знакомого снабженца с кондитерской фабрики ему перепал шоколад, изготовленный для спецраспределителя. Сами они шоколад не ели и не давали детям, а держали его для гостей, на которых он производил впечатление не столько вкусом, сколько несостоявшимся предназначением. На память приходили несуразные мелочи... Станным образом через толщу лет проступила их единственная совместная поездка в Крым, где она впервые увидела красный лук... И еще тот случай, когда у него в горле застряла рыбная кость, и он корчился от кашля, пока она не засунула ему в горло обратной стороной чайную ложку, а он с силой толкнул ее в грудь, протестуя против необходимого насилия...

Дни проваливались в воронку времени, измеряясь лишь промежутком от "раздобыть" до "достала". В воскресенье в их трехкомнатную "распашонку" втискивались дети со своими чадами, и она, не приседая, покрывала расстояние вокруг земного шара между кухней и раздвинутым столом. Когда же после двухчасового разорения ее кулинарных стараний они поднимались, чмокали ее в щеку и махали рукой на прощанье с улицы, она устало глядела им вслед через окно, срывалась в туалет и под вой вентилятора чадила припасенной сигареткой.

В один день их сбережения за тридцать четыре года совместной жизни канули в черную дыру, порожденную уродствами новой власти. Она бегала в какие-то очереди, записывалась в нелепые списки и подписывала немощные протесты. Вечером возмущенно отчитывалась о дневных сражениях, и они оба безнадежно вздыхали. Семен опрокидывал стаканчик, кряхтел, смотрел мимо нее куда-то за стену и проваливался в дрему. Через две недели родители ее учеников, словно по команде, известили школу о том, что более не заинтересованы в занятиях. А спустя месяц Семен непривычно рано вернулся с работы. Он рассеянно крутился по комнате, перекладывал газеты со стола на кресло, с кресла на диван, с дивана на стол... Наконец застыл посередине комнаты и сказал:

— Типографию закрыли...

Матильда не поняла и продолжала вязать свитер из сиреновой шерсти для жены райвоенкома... Он истошно заорал на нее и швырнул всю стопку газет на пол. Она с открытым ртом следила за его вздрагивающей фигурой и напряженно соображала, что опять сделала не так...

В одну из пятниц без предупреждения нагрянул старший сын с женой. Они странно улыбались, и еще до того, как завели разговор, она почуяла нарастающую тревогу. Молодые долго переминались и переглядывались... Потом сын махнул рукой и обрушил новость:

— Мы выиграли гринкарту в Америку... Ну, не сегодня, конечно... но в общем через несколько месяцев... говорят, от пяти месяцев до года... пока не получим разрешение от американского правительства... Да погодите расстраиваться...

Семен насупленно сидел за столом с опущенной головой. Матильда тихо плакала и стискивала руки перед грудью... Когда дети ушли, она спохватилась, что даже не предложила им чаю, и от этого ей сделалось только горше. Она украдкой бросала взгляды на мужа, а он так и не поднял головы... только вертел ею время от времени и что-то безмолвно выговаривал губами...

Время бежало, скакало и ползло, выплескивая все больше неразрешимых задач. Они оба оформили пенсию, которая отлетала столь же быстро, как и вздох облегчения при ее получении. И она совершила невероятный поступок. Впервые за все годы, несмотря на протесты Семена, настояла на своем: у древнего Лихтенштейна, аккомпаниатора из оперного, выменяла за пианино японскую вязальную машину, привезенную племянницей из Австралии. Непонятно, зачем старику понадобился дряхлый инструмент, и уж совсем странно, для чего племянница подарила ему вязальную установку. Семен шипел на Матильду и предрекал, что "вечный жид" их облапошит. Поначалу она готова была признать правоту мужа: было туго... вернее, беспросветно... Ей казалось, что она поступила непросветительно глупо, — недаром Лихтенштейн променял дорогую игрушку на ее рухлядь, — но мало-помалу стали поступать заказы сначала от знакомых, а потом от знакомых знакомых...

Первое письмо из Сан-Франциско и фотографии из заморской цветной жизни они отмечали празднично вместе с семьями младшего сына и дочери. Матильда суетилась пуще обычного и, прибегая из кухни с новым блюдом, разглядывала самую нарядную фотографию, которую прислонила к вазе на серванте... Она всякий раз подмечала новые подробности... У внука появились усики! Какая славная куртка на нем! Ей раньше

казалось, что она зеленая с синими полосами... Выходит, синяя с красными... и диковинное здание с драконами за спинами детей! Ирочка, жена Павлуши, прочла вывеску на английском. Оказалось, всего-навсего китайский ресторан...

Семен опрокинул стопку водки, откашлялся и водрузил очки на переносицу. Письмо Славки на семи страницах он читал торжественно, с оговорками для собственных комментариев. И когда отступления затягивались, Павел нетерпеливо подталкивал его под локоть:

— Батя, дальше давай!..

Матильда нарезала пирог и раскладывала его по десертным тарелкам, когда Катерина подошла к отцу, обняла его сзади и завела разговор о внучке.

— А у нас новость! Как вы знаете, Настенька уже полгода встречается со знаменитым футболистом из "Торпедо", Георгием Тяткиным. Ну, вот... позавчера, значит, Жорочка, наконец, сделал нам предложение. Покажи колечко, доченька! Видали?.. С брильянтом! Так что надо думать о свадьбе! Жорика сегодня нет с нами, потому что... Ну, скажи сама, Настюль! Ну, скажи... Чего стесняешься?

— Да ладно те, мам... Еще ничего не известно. Может, его и не утвердят в Москве...

Все дружно повернулись к Настеньке и стали радостно поздравлять ее.

Настенька смущенно улыбалась и вертела кольцо на пальце. Семен ринулся к серванту, извлек новую бутылку и торопливо разлил водку по стопкам:

— Ну, внучечка, за тебя! И за вашу счастливую жизнь в столице!

Взрослые повскакивали и потянулись к Настеньке чокаться. После тоста Катерина пошла за Матильдой на кухню и села на табурет.

— Мам, я вот подумала, может, попросить Славку прислать подвенечное платье из Америки... А? Там такие шьют — нашим нечего рядом делать! Как думаешь?

Матильда повела одним плечом и отвернулась к отливу:

— Не знаю, Катюша, что тебе сказать... Они ведь даже не работают еще... Ты же слышала, сидят пока на пособиях и учат язык... Платье, поди, стоит немало...

— Ну, прямо-таки! В рестораны ходить могут, а племяшке подарок на свадьбу — разорятся! Ты им напиши! Они тебе не откажут. Потом, необязательно новое покупать. Можно в комиссионке ихней... подешевле... которое уже надеванное...

— Не обижайся, Катюша, только не могу я сейчас просить... Им наверняка не сладко... Вот когда встанут на ноги, начнут работать... И почему ты решила, что они ходят в рестораны? Это они снялись только, чтоб нам показаться... Я вот думаю, чем бы их поддержать... На днях купила два мельхиоровых набора. Хочу один передать через Дорочку. А второй я ей в подарок... Помнишь ее? Мы даже когда-то у нее в гостях были! Она теперь профессор... Я с ней дружила еще в училище... Представляешь, она одна уезжает в Лос-Анджелес, чтобы потом дети с семьями приехали...

— Ах, Дорочка! Ну, да! Как же! И о ней вспомним, и о Славочке подумаем! Последнюю копейку для него из дому переведем. А вот о падчерице с ее выводком — чего нам переживать? Она-то ведь не в Америке. Она под рукой! Раздеть нашего сыночка хочет! Негодяйка!

Катерина зло скривила рот.

— Не любила ты меня... Никогда не любила! Думаешь, я забыла, как ты меня в детстве заперла в ванной, потому что я не хотела мыться?.. А когда с Сережкой Ушаковым закрутила в училище и аборт должна была делать? Помнишь, что ты мне говорила?.. То-то! Так ведь и я тебя не любила... ма-моч-ка!

Матильда с мокрыми руками повернулась к падчерице и застыла в изумлении.

— Что ты такое говоришь, Катя? Ты только подумай, что ты говоришь! Как тебе не совестно?

— Говорю то, что слышишь! Не нравится? Может, мне тоже многое не нравится... Чего душой кривить? Для подружки своей пархагой с дорогой душой... А как для меня — всегда жалко! Чужая я тебе! Ну, а раз так, и дел нету...

Катерина заскочила в комнату и резко скомандовала:

— Пошли отсюда! Нечего нам в этом доме!..

Муж и Настенька побежали за нею на лестничную площадку... и уже не вернулись... Семен переводил недоуменный взгляд с Павла на невестку... с невестки на внуков, а те с таким же удивлением смотрели на него и друг на друга...

К зиме Семен все чаще жаловался на то, что мир потерял четкость, а газетный шрифт неразличим даже в очках. Как-то за ужином на кухне он выронил ложку и не смог нагнуться за ней. Матильда тревожно смотрела на его полураскрытый рот, понимая, что происходит что-то неладное. Через минут двадцать Семен пришел в себя, но ничего не мог вспомнить. Матильда уговорила его пойти в поликлинику. Помимо обычных возрастных изменений врач определил у него диабет и гипертонию.

О предстоящей свадьбе внучки они узнали случайно от Гришки — жёковского водопроводчика, которого Матильда заманила за безумные деньги заменить проржавевший полотенцесушитель. Гришка оказался фанатом "Торпедо" и знал все обо всех игроках команды... За день до торжества Семен позвонил по телефону дочери, но та отказалась с ним разговаривать. Он повесил трубку, хрипло замычал и... свалился на пол. Матильда бросилась к нему, звала и водила рукой по его лицу, но Семен был без сознания.

Скорая ехала медленно. Матильда металась от Семена на кухню, из кухни в спальню, подсовывала подушки под его голову, потом убирала их, клала мокрое полотенце ему на лоб и тут же бежала смочить другое под краном... Позвонила Павлу, но дома у него никого не было. На секунду ей почудилось, что муж зовет ее. Она ринулась к нему, подвернула ногу и упала на пол. Так она и лежала рядом с ним, обнимала и гладила его, пока не приехала неотложка.

В больнице палаты были переполнены, и его временно поместили в тусклом коридоре. Матильда прикорнула на стуле, который ей принесла сердобольная санитарка. Всякий раз, когда мимо проходил кто-нибудь из персонала, Матильда с мольбой провожала взглядом белый халат, ожидая, что вот, наконец, займутся мужем... Через полтора часа объявился пожилой врач. Он внимательно осмотрел Семена, буркнул:

— Достаньте гепарин и шприцы! Ему нужен гепарин... — и ушел.

Она тут же бросилась к телефону, сообщила сыну о несчастье и продиктовала название лекарства.

Под утро Семен дернулся и раскрыл глаза. Матильда жалко улыбалась и быстро-быстро приговаривала:

— Что, хороший мой?.. Что, дорогой?..

Вдруг левый глаз Семена залился кровью, и дыхание остановилось. Она побежала за дежурной медсестрой, но в сестринской никого не было. На вопли ее прибежала та самая санитарка и, выматерившись, выставила ее из "служебного помещения":

— Какого разоралась посреди ночи? Шо ж можно сделать, раз твой помер? От публика! Ты шо, не понимаешь, шо он помер? Ну... Понимаешь, значит... Чего ж орешь?..

Матильда вернулась к телу мужа, наклонилась над ним и, сбиваясь от душивших слез, шептала: — Ну, скажи что-нибудь... Ну, скажи...

Вопрос о покупке места на кладбище отпал сам собой после того, как требуемая сумма была произнесена одной стороной и переспрошена дру-

гой. Живым деньги были нужнее. Поэтому Павел принял решение кремировать тело. Матильда согласилась, только просила переговорить еще с Катериной.

Катерина примчалась с мужем и Настенькой на ведомственной машине как раз, когда выгружали гроб у парадного, и сходу, еще на улице, стала заламывать руки... В квартиру она вошла с воем. Подбежав к телу отца, заголосила еще сильнее. Через минут пятнадцать затихла, вытерла слезы и кивнула своим "на выход". У самой двери спросила Ирину, на когда назначена кремация, поудрила нос перед зеркалом и выскочила наружу вслед за мужем и дочерью.

После службы в кладбищенской церкви, на которой настоял Павел (Матильде в голову не пришло бы заказать отпевание, но в новой жизни вернулись старые правила), постояли перед урной... всплакнули... Павел пригласил присутствовавших к себе помянуть отца.

Матильда отрешенно сидела за столом и кивала головой при каждом упоминании имени мужа. Катерина зазвала Павла на балкон и долго о чем-то с ним совещалась. К Матильде она так и не подошла.

Вечером Павел позвонил в Сан-Франциско. Матильда из соседней комнаты слышала, как он пересказывал Славе разговор с сестрой. Оказывается, Катерина составила список вещей, принадлежащих, по ее разумению, только ей. Кроме украшений, безделниц и трюмо, оставшихся после ее матери, она требовала компенсацию за "еще бабушкино" пианино, которое Матильда "без разрешения" променяла на вязальную машину. Почему-то Матильде вспомнился брат и неподеленное кольцо. Она горько усмехнулась и решила, что первым делом по возвращении домой соберет вещи и передаст их через Павла. Что до пианино...

— Надо обязательно поехать к Лихтенштейну и выкупить его, даже если придется заплатить дорожке... Она права, — про себя рассуждала Матильда, — это ее вещи... Ну и что из того, что Семен подарил мне камею? Ведь сначала ее купила Мария. Стало быть, брошь Катина. Не умри Мария тридцать пять лет назад, украшение перешло бы к дочери. И то спасибо, что я всем этим пользовалась столько лет... Но Катя... Какая она злая! Откуда это в ней?.. И чем я провинилась?.. Может, все-таки позвонить ей?.. Ведь не чужая...

Матильда вернулась в пустую квартиру, и буквально через полчаса, как всегда "на минутку", забежала Тюлька, она же Ираида Павловна. На этот раз многословие соседки не раздражало. Наоборот, Матильда предложила чаю с вареньем. Ираида Павловна охотно устроилась за ку-

хонным столом и в ожидании угощения тараторила о том, что произошло в доме за последние трое суток.

— Барсуковых грабнули прямо серед бела дня. Трое в масках залезли в хату через балкон и приставили ножа к горлу Таньки. Она сдрейфила и разом выдала Колькины тайники с деньгами. Потом ее связали и заперли в ванной. Так она и провалялась там до вечера, аж пока не вернулась с работы невестка. И даже того... обоссалась... А мне их не жалко! Противные они! Он скока раз проезжал мимо — никогда не предложил подвезть, а Танька каждый день в новом платье... Ну, я тебя спрашиваю! Да, вот еще, Полущкой привезли внука из Сургута. Сынок ейный занаркоманился вусмерть, а невестка, самая что есть уличная, пропила себя напроць... Ты Вовку Костюкова из пятьдесят шестой знаешь? Так его опять тягали на допрос. Только он ничегошеньки против банды Козла, потому что они пострашнее органов... Слухай, Матильда, а, може, у тебя найдется трошечки?

Ираида крепко зажмурила глаза и тряхнула сморщенным личиком, причмокнув от возбуждения.

Матильда полезла в сервант и выудила бутылку вина, припасенную еще Семеном. Так они вдвоем просидели весь вечер, поминая покойника и проклиная нынешнюю жизнь. На прощание соседка пообещала зайти за Матильдой в выходной, чтобы вдвоем отправиться в церковь.

— Обязательно! Помолишься, и сразу станет легче, — заверила она.

И впрямь, в воскресенье утром Тюлька повела Матильду в собор, недавно отреставрированный после сорока семи лет пребывания в нем мебельной фабрики. Матильда настороженно оглядывалась в пахнувшем свежей краской раззолоченном тереме. Она протискивалась к алтарю следом за бойкой соседкой и шепотом задавала вопросы. Ираида отмахивалась от нее и односложно бросала:

— После...

Батюшка охотно кивал, слушая о себе похвальные речи Ираиды. Под конец благословил Матильду и подставил руку для целования. Матильда стушевалась, но Ираида подтолкнула ее к пухлой ладони, и она уткнулась в нее губами. Потом обе они стояли на коленях в первом ряду перед иконой Божьей Матери. Следуя соседкиному примеру, Матильда впервые в жизни крестилась и повторяла незнакомые слова молитвы. Облегчение от посещения церкви не пришло: то ли потому что Матильда не прониклась достаточной верой, то ли по причине батюшкинового безразличия, а, может, оттого, что вся затея была пустой.

В пятницу Матильда поехала к Лихтенштейну. Соломон Моисеевич удивленно слушал ее объяснение. Под конец рассмеялся и покачал головой:

— Да что вы, голубушка, убиваетесь из-за такой малости? Забирайте его хоть сейчас... Оно у меня на даче. И ничего вы мне не должны. Считайте, вязалку я вам подарил. К одним приходит, от других уходит... Стало быть, и к нам когда-нибудь придет... Вот только дожить бы... Вы лучше присядьте и послушайте, что нам сыграет Виктор Карлович Прендель.

Матильда растерянно оглянулась и увидела у противоположной стены высокого мужчину со скрипкой в руках.

— Премного рад, — мужчина театрально согнулся в поклоне, подошел к ней и поцеловал руку. Матильда испуганно отдернула кисть:

— Ну, что вы?..

Виктор Карлович поклонился и вернулся на прежнее место. Соломон Моисеевич устроился за роялем, потер руки... Трепетные звуки разметались по стенам, окнам и полу. Скрипка в руках Виктора Карловича настроенно замерла и пролилась молитвенной скорбью Мендельсона. Матильда, напряженно сидевшая в потертом кресле, вдруг сникла и поплыла вслед за музыкой к печальным раздумьям. Слезы катились из ее глаз, зачарованно глядевших в пустоту... Игра прекратилась, и Матильда вздрогнула... После небольшой паузы она подошла к роялю, обняла улыбающегося Соломона Моисеевича одной рукой и протянула вторую Виктору Карловичу:

— Замечательно!.. Замечательно!

Виктор Карлович вновь церемонно поклонился и опять поднес ее руку к губам. Теперь она не сопротивлялась, только смутилась...

Виктор Карлович проводил ее до дома и попросил разрешения позвонить в конце недели. В субботу она вздрагивала при каждом звонке, но голоса были все не те. Звонил Павел, потом какой-то Петр Петрович, собиравший деньги для общества заботы о бездомных животных... Звонила Лелечка Порфирьевна из музыкальной школы — зачем-то просила одолжить ноты Шенберга...

Виктор Карлович позвонил к вечеру и пригласил на концерт "Виртуозов Москвы". Матильда поначалу решила не соглашаться, но вместо этого спросила, на который час... После концерта она зазвала его к себе на чай, и они проговорили до половины второго ночи. На следующий день Виктор Карлович объявился с букетом цветов и коробкой конфет. Матильда не знала, как реагировать — все же вдова...

Через три недели она пришла к Виктору Карловичу, и ее поразили

бесчисленные картины и рисунки... На старом резном рояле уместились, по крайней мере, два десятка фотографий с дарственными надписями, некоторые на иностранных языках, из чего Матильда заключила, что Виктор Карлович был выездным... Она засиделась до самого вечера, и когда он подошел и положил ей руки на плечи, она в томительном порыве обняла его... Он мягко касался губами ее кожи и крепко прижимал к себе... Она не помнила, как одежда ее оказалась на полу, и, уже не молодая женщина, она стояла обнаженной перед другим мужчиной.

Он не душил ее. Все, что происходило с ней, похоже было на дивную сказку, в которой мускулистый принц с нежностью впивался в ее разбуженную незнакомой лаской плоть. Ей было стыдно криков не изведанного ранее наслаждения... И необычайно радостно оттого, что на свете бывает такое... Нет, даже не удовольствие — счастье! Было так приятно, так сладостно, что в самую пору умереть, чтобы никогда уже не лишаться... Потом она с любопытством рассматривала спящего Виктора, но не смела дотронуться до него. Как могла оставить его жена ради другого? Ей так хотелось приласкать сухое крепкое тело, сделать для него такое... Она ждала, когда он проснется, и боялась, что наступит разочарование... Но не ее, а его... Любовь Семена была подобна артиллерийскому обстрелу, а с Виктором...

В конце марта Павел позвонил и сказал, что заедет вечером по важному делу. Приехал один, спросил, нужны ли деньги, барабанил пальцами по столу и собирался с мыслями. Матильда не выдержала:

— Павлуша, не тяни!

— Мам, Ирина мать, Клавдия Борисовна... в общем... она того... Короче, она не Клавдия Борисовна, а Фейга Абрамовна, и мы собираемся в Израиль... Поедешь с нами?

Матильда тихо качала головой. Ее поразила даже не столько новость об отъезде, сколько то, что Клавдия Борисовна еврейка. У нее пронеслась мысль, что, слава Богу, Семен никогда не подозревал... Она помолчала. Наконец, вздохнула и спросила:

— Ты голоден?

Павел кивнул, и она с облегчением принялась угощать его. За чаем Матильда все же решилась спросить:

— А твои ребята? Они что, тоже евреями будут?

Павел обнял мать перед уходом, и они долго не отпускали друг друга. Попрощавшись с сыном, Матильда опустила в кресло и заплакала. Ей было жаль себя, сына, внуков и ставшую еврейкой Клавдию Борисовну...

Будущее не сулило ничего определенного, кроме потерь и расходов... Она смахивала нескончаемые слезы...

Виктор Карлович приехал к вечеру, как всегда с цветами и улыбкой. Едва он вошел в дом, она бросилась к нему и громко разрыдалась. Он, еще не понимая причины ее расстройства, гладил ее плечи и почти по-детски пришептывал:

— Ну-ну... Ну что ты?.. Все обойдется... Все будет хорошо...

Она заснула в его объятиях, а он продолжал целовать ее шею, грудь, живот... На следующий день он проснулся пораньше и поспешил на кухню. На завтрак он готовил яичницу с грибами и сыром...

— Господи, — думала Матильда, не открывая глаз, — почему жизнь состоит из нескольких мгновений радости и множества печалей?.. То доведет до самой крайности, когда уж ничего не мило, а то чуть придушит и тут же отпустит... А потом снова завертится, только с другими бедами и милостями... Неужели так все живут?

Она чувствовала себя птицей, выпущенной из клетки на неуютную волю, и многое ей казалось чужим и непонятым в новом неопределенном мире... даже свалившееся счастье... и пришло оно, стыдно подумать, со смертью мужа... Жизнь вокруг сделалась злее и хуже, а ей впервые за многие годы интересно...

Она точно знала, что не желала вернуть ни одного дня из прежней поры... Только хотела унести далеко-далеко... назад в молодость... в тот самый год... Но не в силах она была изменить прошлое, как не в силах была заглянуть в будущее. И слава Богу, что было оно неведомо... По крайней мере, это вселяло надежду... Матильда медленно потянулась на постели и прислушалась к свисту чайника.

Лос-Анджелес

В лодке

Боже ж мой, какой отвратительный дух стоял в палате. Вонючий воздух захлестывал с головой, едва переступался больничный порог. Это была ядовитая смесь — густая и тягучая. И никакими цветами, листьями зелеными (странно, ведь все окна и двери на балкон были распахнуты настежь), дождем, землей, прогретой солнечными лучами, здесь не пахло. А пахло мочой, гремучей смесью капельниц, потом, гниющей человеческой материей и страхом. Да, страх, а точнее, его степень — ужас, оказывается, тоже имел запах.

Впрочем, весь персонал, сновавший из палаты в палату, на этот дух никакого внимания не обращал. Все до того привыкли к нему, что в праздничные дни легко выпивали и закусывали в ординаторской, пили чай с нехитрыми бутербродами в будние дни, а потом вновь отправлялись выполнять свои постылые обязанности.

Два деда лежали в двухместной восемнадцатой палате неврологического отделения военного госпиталя. Оба с инсультами, у боцмана, старшины первой статьи, потяжелее, у майора медслужбы полегче. Майору нянечка Наташа должна была поставить клизму. Дочка, давая нянечке гривны, особенно настаивала на клизме, сама она стеснялась, а нянечке все было недосуг, а когда она вдруг вспомнила и зашла в палату, деды давно уже спали.

Нянечка задумчиво постояла на пороге минуты две, вслушиваясь в храпы, а потом, зевая, пошла в дежурку. За свою треклятую работу: мытье туалетов, полов, клизмы и подсовы, перестилание белья под лежачими, она имела 150 гривен в месяц, поэтому те денежки, которые ей клали в кармашек, ей были позарез нужны, они помогали хоть как-то кормить семью, состоявшую из мамы и двух дочек. К работе своей она привыкла и уже не закрывала глаза при виде тощих стариковских задниц и бессильно висящих членов. Когда-то в невообразимом далеке она мечтала быть врачихой и ходить в хрустящем белом халатике с миленьким черным саквояжем по домам, слушать через трубочку, как дышат, и выписывать рецепты. Работа в том далеке казалась красивой, чистой и таинственной. Тогда у нее была еще пушистая белая коса и щечки в ямочках. Теперь от косы ничего не осталось, ямочки куда-то делись, и жизнь текла уныло.

В дежурке нянечка Наташа прилегла на диванчик и перед тем, как задремать, дала себе честное слово, что рано утром поставит деду из восем-